

Л.Е.Бляхер, М.Л.Бляхер
ЗОМИЯ НА АМУРЕ,
ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК
ПРОТИВ ПОРЯДКА ВНЕ ГОСУДАРСТВА

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Михаил Леонидович Бляхер — кандидат социологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург). Для связи с автором: postchelovek@gmial.com.

Аннотация. В статье предпринята попытка, отталкиваясь от названия «Зомия», использованного нидерландским исследователем Виллемом ван Шенделем для обозначения гигантской «горной страны» на стыке ряда государств Юго-Восточной Азии, вывести понятие, отражающее специфическую форму социальной самоорганизации, особый тип повседневности, который не нуждается в привычных структурах государства Модерна, сосуществует с ними, отстаивает свое право на инаковость. В качестве примера такой формы самоорганизации авторы рассматривают сообщество крестьян-переселенцев, сложившееся на востоке России во второй половине XIX — начале XX в. Проанализировав факторы, обусловившие появление этой Зомии на Амуре, они приходят к выводу, что главным из них было само пространство, гасившее любые управленческие усилия. Контроль над гигантскими территориями с относительно слабо развитой сетью дорог требовал настолько высоких издержек, что утрачивал всякий смысл. Это неизбежно запускало механизм самоорганизации населения, делавший привычные политические формы излишними и враждебными для него. Выстраивались специфические практики дистанцирования от государства и использования его в своих интересах. В статье подробно описываются эти практики, а также сопротивление крестьян-переселенцев попыткам властных структур «освоить» непокорное пространство, все нараставшим по мере укрепления государства. В борьбе с Левиафаном Зомия пала, но ее поражение, как показано авторами, стало лишь переходом в иную форму бытия. Зомия продолжала жить, чтобы в момент, когда обессиленный бескрайней пустотой Левиафан отступит, вновь всплыть из своего ниоткуда и в очередной раз спасти Дальний Восток.

Ключевые слова: Зомия, Левиафан, пространство, Дальний Восток, самоорганизация

Об экзотических формах политической организации, противостоящих основной политической форме современности — государству, — сегодня пишут все чаще. Такие формы существуют не всегда явно, не всегда открыто, но они существуют, нарушая или трансформируя «правильный» государственный порядок. Одним из наиболее ярких феноменов в этом ряду является Зоmia (Zomia), описанная Джеймсом Скоттом в знаменитом «Искусстве быть неподвластным»¹.

¹ Scott 2009: 14–16.

Название Зоmia (страна горцев) было введено нидерландским исследователем Виллемом ван Шенделем для обозначения огромной территории в Юго-Восточной Азии на стыке ряда государств (Китая, Индии, Бирмы, Непала и т.д.) с населением более 100 млн человек. Специфика этой территории заключается в том, что ее жители осознанно выбрали путь уклонения от тех принципов организации, которые сложились в государствах, особенно государствах Модерна².

² Ibidem.

Но Зоmia — это не только наименование конкретной территории и проживающей на ней социально-антропологической общности. На наш взгляд, за этим наименованием скрывается концепт, обладающий серьезным методологическим и политико-философским значением. Из понятия социально-географического Зоmia все больше превращается в понятие социально-политическое, в метафору особого «порядка без государства»³. Она всплывает в рассуждениях по поводу жизни в «несостоявшихся государствах», становится знаменем политического анархизма. Однако все это обычно происходит на некотором удалении и от исследователя, и от читателя. Зоmia предстает как некая экзотика, своего рода точка отсчета, за которой начинаются «нормальная социальность» и «нормальная государственность»⁴.

³ См., напр. Подвинцев 2007.

⁴ Скорин-Чайков 2012.

Значительно реже смысловое пространство, задаваемое понятием «Зоmia» (принципиально внегосударственное существование сообщества), соотносится с чем-то имеющим отношение к рутинной повседневности исследователя и читателя, с тем, что происходит здесь и сейчас. И все же такие исследования появляются, смыкаясь с анализом феноменов, традиционно рассматриваемых в пространстве понятия «неформальная экономика»⁵. Основания для подобного сближения есть. Ведь практики, используемые крестьянами, предпринимателями без регистрации, «га-ражными» мастерами или «шабашниками», вполне сопоставимы с теми, которые описаны Скоттом применительно к экзотическим горцам Тибета⁶.

⁵ Шанин (ред.) 1999.

⁶ Барсукова 2017.

В последние десятилетия в России наблюдается настоящий бум исследований неформальности⁷. Причем если в 1990-х годах в неформальности видели одно из направлений транзита, в ходе которого будут выработаны необходимые для рыночной экономики институциональные механизмы⁸, то сегодня восприятие иное. Неформальность в экономике понимается скорее как то, что противостоит государственному диктату, выступает формой выживания⁹ в условиях, когда классические рыночные механизмы дают сбой. В сфере неформальности «маленький человек» ускользает от всевидящего ока государства, обретает соразмерный себе мир¹⁰.

⁷ См. Леонтьева 2017.

⁸ Бляхер (ред.) 2001.

⁹ Павлов, Селеев 2015.

¹⁰ Бляхер 2014..

¹¹ Кордонский 2012.

При всем том крайне редко осмыслиется тот факт, что подобные самоорганизующиеся и «выпадающие» из государственного порядка или радикально переструктурирующие его анклавные явления в нашей стране не столько исключением, сколько правилом, основой хозяйственной и не только хозяйственной жизни¹¹. Они не просто противостоят государству; будучи вытеснены из легального пространства и подавлены им, они тем не менее вплетаются в его ткань, придают всему социальному и политическому организму иное качество.

¹² Моляренко 2017.

Тем самым из экзотической страны с невероятными для средне-статистического человека условиями бытия Зомиа превращается в метафору особого типа повседневности, способ фиксации живой жизни, противостоящей всеобщему бюрократическому знанию. Поверженная Левиафаном (государством), она растворяет его, обращая в себя, наделяя своими качествами, навязывая свои социальные практики. Государственные программы, правила и даже законы оказываются лишь одной из сторон этого загадочного мира самодеятельного человеческого существования. Сам же этот мир трансформируется в вездесущего невидимку — значимого, но неуловимого, существующего за пределами статистики, но преобразующего эту «статистику» в нечто, имеющее весьма отдаленное отношение к «благим намерениям государства»¹².

¹³ Хайек 1992: 58—65.

И только тогда, когда государство по каким-то причинам решает надавить на этот мир, проконтролировать его или хотя бы «помочь» ему, нарушая его привычный образ жизни, он актуализируется, защищаясь. Именно в этот момент он выдвигается на авансцену, становится видимым и фиксируемым, пусть часто и под чужим именем. Но для того чтобы спонтанный порядок¹³ Зомиа вышел на поверхность, оказался способным противостоять Левиафану, нужны особые условия.

В настоящей статье мы попытаемся раскрыть условия формирования и механизмы функционирования подобных миров на примере специфической формы организации сообщества крестьян-переселенцев, сложившейся на востоке России во второй половине XIX в., проанализировав факторы, обусловившие появление этой Зомиа на Амуре, проследив, как выстраивались ее отношения с государством, и рассмотрев, как само ее наличие отразилось на всей последующей истории региона. Мы также остановимся на том, как Зомиа на Амуре, возникшая под влиянием действий одного Левиафана (Российской империи), пала под ударами иных «земных богов» — Советского государства, Японии, осколков империи и т.д. Пала в борьбе, отбиваясь и нанося удары, воплотившись в тех самых приамурских партизанах, которые были не столько за большевиков, сколько против Колчака, Семенова, японцев и любых других агентов Левиафана. Большевики были предпочтительнее просто потому, что их на Амуре тогда было очень мало. Однако само «поражение» Зомиа на Амуре, как мы постараемся показать, стало лишь переходом в иную форму бытия.

**Возникновение
Зомии на Амуре**

В советской традиции (воспринятой и российской историографией) освоение областей за Байкалом было принято делить на два этапа: до 1861 г. — принудительное водворение; после 1861 г. — добровольное переселение. Рубежом служили «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 г., в соответствии с которыми эти области объявлялись открытыми для заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающими переселиться за свой счет»¹⁴.

¹⁴ *История 1990:*
274—278.

В числе прочего Правила (проект которых был подготовлен генерал-губернатором Восточной Сибири графом Николаем Муравьевым-Амурским) предусматривали для переселенцев значительные льготы, в частности освобождение от податей (за исключением местных) и рекрутской повинности, а также наделение земельным участком (100 десятин, то есть 109 га, на семью). Главная их задача заключалась в том, чтобы привлечь людей, которые бы обживали земли, отошедшие к России по Айгунскому мирному договору, по существу — единственные плодородные земли за Байкалом. С этих «вольных переселенцев», казалось бы, и логично начинать историю Зомии на Амуре.

До них земли за Байкалом пытались освоить с помощью каторжников, приписанных к заводам рабочих и крепостных крестьян, а также жестко контролировавшихся казаков, бывших не столько дальневосточной версией донской вольницы, сколько аналогом аракчеевских военных поселян, «штрафованных нижних чинов». Пытались неудачно. Освоение — даже разработка месторождений серебра и добыча ценной пушнины — оказывалось нерентабельным, требовало все новых и новых вложений из казны. Причина такого положения вещей крылась в самом пространстве, попросту «глушившем» любые попытки контроля и управления. Конечно, самоорганизация существовала и тогда. Так, построенный для нужд Камчатской экспедиции железодельный завод в Нерчинском округе довольно быстро переориентировался на выпуск сельскохозяйственного инвентаря. Однако именно государство (Левиафан) определяло основные направления деятельности. И поскольку эти направления деятельности (добыча руды, плавка серебра, обслуживание Камчатских экспедиций) имели слабое отношение к жизни региона и самообеспечению его населения, продовольствие, мастеров, инструменты и т.д. приходилось завозить издалека. Это и делало освоение невероятно дорогим.

Но освоение региона началось задолго до того, как там раздался кандалный звон. Земли за Байкалом осваивали звероловы и промысловики — люди вольные, беглые. Именно здесь, на Амуре, была возведена первая (и единственная) «народная» крепость — Албазин, — построенная не по инициативе государства, а вопреки ему, беглыми казаками, убившими воеводу Лаврентия Обухова за «стыдные дела»¹⁵.

¹⁵ *Там же:* 127.

Только после почти 40-летней войны с Манчжурией (1651—1689) и заключения Нерчинского мирного договора ситуация начала меняться.

Относительная политическая стабильность позволила власти «осмотреться». Обнаружились важные для государства горнорудные месторождения, стала развиваться торговля с Китаем, был дан старт Камчатским экспедициям.

¹⁶ Ремнев 2004.

Безусловно, подневольное население в тот период преобладало. Но, как показал Анатолий Ремнев¹⁶, население прежнего типа не исчезло, ведь охота на пушного зверя продолжала быть выгодным промыслом. Он и в XVIII столетии приносил немалую прибыль. Просто власть перестала за него отчитываться. Не случайно основателям знаменитой Российско-Американской компании пришлось весьма долго убеждать власти, что предприятие заслуживает вложений¹⁷.

¹⁷ Болховитинов 1999.

Пропадая из отчетов, эти люди исчезали из орбиты государства, становились «невидимками». Они и задали контуры первоначальной Зомии в регионе, состоявшей из зимовий и охотничьих угодий, расположенных в удалении от заводов, трактов и центров власти. Пространство гасило любые попытки как-то их проконтролировать или хотя бы учесть. Впрочем, эта структура отнюдь не была эфемерной. С ней взаимодействовали (порой мирно, а порой и конфликтно) местные народы. С охотниками торговали русские, инородческие и китайские купцы. Торговля дополняла то, что не могла дать тайга. В результате, в отличие от «видимой» и поддерживаемой государством части населения, бывшей в массе своей невероятно дорогой, «невидимки» вполне обеспечивали себя и без государства.

¹⁸ Сафронов 1980.

Сам факт наличия в регионе этих «невидимок» дестабилизировал структуры принуждения. Избыточная эксплуатация вызывала стабильную и эффективную форму протеста — бегство. На побережье за Охотском, по Лене, на Камчатке возникали все новые и новые вольные заимки, между которыми складывались собственные — вне государства — формы коммуникации. Продолжала развиваться инфраструктура, позволявшая обменивать продукты охоты и рыбной ловли на хлеб, порох, одежду и т.п.¹⁸ Разъездная и ярмарочная торговля связывала охотников и потенциальных потребителей. Русские, якутские, джунгарские и китайские купцы компенсировали недоступность для «невидимок» «сибирских хлебных отпусков».

Отмена крепостного права, очевидная убыточность государственных заводов, финансовый кризис, приведший к уменьшению внешних поставок за Байкал, повлекли за собой отток населения из региона. К 1861 г. там проживало около 30 тыс. человек. После массового отъезда (бегства) населения на запад «невидимки» оказались основными его жителями. Конечно, на восток из Сибири переводились войска, началось переселение казаков, крестьянское переселение. Но до 1880-х годов новоприбывших было совсем немного. Да и взаимодействовали они не столько с полицейскими властями, сколько с «невидимками».

Объем помощи переселенцам постоянно возрастал. С 1866 г. им стали платить своего рода «подъемные» — 100 рублей на семью. Предоставлялся и солдатский паек до нового урожая, право выкупа

выделенных десятин в полную собственность по льготной цене. Тем не менее за первые 20 лет после принятия Правил в Приморскую область (Уссурийский край) из других регионов прибыло лишь порядка 3 тыс. переселенцев¹⁹. Причина проста: невероятная дальность пути. Путешествие из европейской части России до Приамурья и Приморья занимало свыше полутора лет. Никакой инфраструктуры до 1880-х годов не имелось. При этом по дороге были гораздо более обжитые, но еще вполне свободные сибирские земли. В результате до Амура добирались только 9% переселенцев²⁰. Не случайно казаков — основную военную силу региона — долгие годы предпочитали переводить не с Кубани или Дона, а из Забайкалья и Восточной Сибири. Самыми активными переселенцами были старообрядцы, для которых удаленность и неустроенность были скорее плюсом, чем минусом.

¹⁹ Кирьяков 1902.

²⁰ История 1990: 312.

К 1881 г. ситуация стала меняться. Улучшились условия сухопутного путешествия к Амуру. Создание «Доброфлота» позволило организовать регулярные рейсы из Одессы во Владивосток. Возникли и программы переселения. «Своекоштные» (то есть переезжавшие за свой счет) переселенцы вносили залог в 400—600 рублей. За эту сумму их не только переправляли на восток страны, но и обеспечивали (по крайней мере, так было предусмотрено) лошадью, материалами для постройки дома, семенным фондом, сельскохозяйственным инвентарем и продуктами до нового урожая. Переселенцы занимали понравившуюся им землю и начинали хозяйствовать.

По сей день знаменитые на Дальнем Востоке «сто десятин» (от которых, вероятно, и отталкивались авторы идеи «дальневосточного гектара») были вещь весьма приблизительной. В условиях гигантского массива пустующих плодородных земель, отсутствия какого-либо учета и размежевания земли крестьяне брали столько, сколько могли обработать. «Казеннокоштные» (то есть финансировавшиеся из казны) переселенцы, которым предстояло вернуть долг государству, были несколько более связаны в месте поселения, но им также полагался весь объем льгот²¹. Впрочем, «казеннокоштных» было на порядок меньше, чем тех, кто переселялся, не напрягая казну. Как показывает Леонид Горюшкин, достаточно серьезный поток шел сухопутным маршрутом, частично — помимо каких-либо государственных программ²². В результате за последние два десятилетия XIX в. (до 1901—1902 гг.) в Приамурье и Приморье переселилось свыше 200 тыс. человек, из них 86,2% крестьян²³. Они и составили Зомию на Амуре.

²¹ Кирьяков 1902.

²² Горюшкин 1976: 203—209.

²³ Там же: 208.

Следует уточнить, что дает нам основания называть сеть крестьянских поселений на восточной окраине Российской империи Зоимией. Казалось бы, в этом утверждении есть очевидное противоречие. Зоимия — во всяком случае, в том виде, в котором она предстает в работе Скотта, — есть явление, принципиально дистанцированное от государства. Она возникла до него и старательно избегает контактов с ним. Здесь же перед нами вполне осмысленная и оформленная в виде законов и положений государственная программа переселения.

²⁴ См. Говорухин 2007.

Все это действительно так. Но гигантские пространства, которые были скорее лишь обозначены как принадлежащие России, нежели реально контролировались российской администрацией²⁴, превращали государственные программы переселения в индивидуальное приключение переселявшегося. В ситуации полной неготовности местных властей к наплыву переселенцев те были предоставлены сами себе, селились там, где им было удобно. Отсутствие даже самой возможности организовать учет земли (нет землемеров) и переселенцев (нет соответствующих служб, не хватает грамотных людей) низводило государственную программу до уровня утопии петербургских мечтателей. Сразу после переселения крестьянам приходилось обеспечивать себя или с минимальной опорой на помощь государства, или совсем без нее. Но слабость государства на отдаленной периферии (что означало минимизацию издержек легальности и издержек контроля) и обилие плодородной земли по Амуру, Зее и Бурею, на территории Приморской области делали задачу самообеспечения вполне решаемой. Тем более что целинные земли давали урожай выше, чем в среднем по России.

²⁵ Осипов 2012: 195.

²⁶ История 1990: 312—316.

Об успешном решении этой задачи говорит то, что в среде крестьян региона в тот период почти отсутствовали промыслы и отходничество — существование большей части семей обеспечивало земледелие. Конечно, имелись и аутсайдеры — около 5% переселенцев возвращались обратно. Были и такие, кто не смог собрать деньги на отъезд и жил, продавая свой труд (батраки). Однако численно их было немного — бедняки без собственного хозяйства составляли в приамурской деревне чуть более 9%²⁵. Еще 15% деревенских жителей запахивали менее 10 десятин, обладая имуществом стоимостью до 500 рублей. Эту группу исследователи тоже относят к «беднякам»²⁶. Стоит, однако, отметить, что в большинстве других регионов страны подобные хозяйства квалифицировались как «средняцкие». Как правило, в эту группу попадали недавние переселенцы, еще только обживавшиеся на новом месте. Что касается крестьян-старожилов, то в массе своей они эффективно осваивали территорию, обеспечивая себя — и не только себя.

Собственно, на это и была нацелена программа переселения. «Пустая» территория, по мнению власти, не могла считаться вполне присоединенной. Однако стремление руководить и контролировать процесс переселения, как это было в предшествующие годы, наталкивалось на пространственные проблемы, недостаток дорог и слабость аппарата принуждения. Пространство гасило управленческие усилия. Оно не позволяло не только оценить количество освоенной земли и уточнить расположение деревень, но даже вести учет прибывших. Крестьяне-старожилы не то чтобы были «невидимками», как охотники и промысловики XVIII в., но и «видимыми» их назвать сложно. Лишь в самом конце столетия в регионе появились чиновники, которые фиксировали сам факт переезда и хотя бы приблизительно могли определить численность населения в губернии, волости, уезде. Хозяйственные же практики крестьян полностью находились за пределами государственного учета.

²⁷ Сычевский 1992:
52—59.

К моменту начала относительно массового притока переселенцев участки водворения оказались неразмеченными (в том числе и ввиду отсутствия землемеров). В недостаточном количестве был закуплен инвентарь, не хватало денег²⁷. В результате на основе традиций тех же «невидимок» быстро складывались формы обычного права, регулировавшие земельные отношения. Так, борозда, проведенная вокруг облюбованного участка, признавалась достаточным основанием для того, чтобы считать участок своим, покупать, продавать и обменивать его. Нарушение этого «права» жестко каралось выборными главами поселений²⁸.

²⁸ Аргудяева 2001.

Общину скрепляла не столько круговая порука, сколько система взаимопомощи. Эта взаимопомощь касалась не только обживания новой территории, но и взаимодействия с государством (получения причитавшегося денежного довольствия, семенного фонда, орудий), защиты от банд, в изобилии действовавших в регионе, противостояния власти. Сельские сообщества становились важнейшими регуляторами отношений между крестьянами.

²⁹ Осипов 2012:
34—39.

Одной из немногих остававшихся у переселенцев повинностей была гужевая — обязанность предоставлять транспорт и лошадей для перевозки военных и иных грузов. Для крестьян, тем более в период полевых работ, это было довольно обременительно²⁹, поэтому в масштабах волости нанимались безземельные или малоземельные крестьяне, которые и исполняли эту повинность от имени той деревни, на которую она падала. Показательно, что финансирование этого мероприятия ложилось на плечи богатых селян. Они же организовывали и снабжали деревенские отряды самообороны, особенно важные в приграничных районах, помогали попавшим в трудное положение односельчанам, получая ответные услуги от «мира».

Наращение переселенческого потока привело к тому, что к концу 1890-х годов свободных земель стало не хватать. Удар по Зомии на Амуре нанес и «отвод Духовского» — закрепление за казачеством (составлявшим около 12% населения региона) почти половины всех удобных земель (более 9 млн десятин). Хотя использовался этот фонд менее чем на 10%, занимать землю в «казачьих» районах было нельзя. Как следствие, начал назревать конфликт между старожилами (уже обзаведшимися хозяйством) и новоселами.

³⁰ Там же: 73—75.

Ситуацию усугубляла «война кадастров». В условиях отсутствия точных карт, официальных размежеваний и т.д. армейский (казачий) «отвод», захватно-заимочные участки, законность которых тоже признавалась, и отводы под новых поселенцев начинали противоречить друг другу. В результате новоселам нередко выделялись участки, уже находившиеся в пользовании старожилов или включенные в «войсковую полосу»³⁰. Не меньше неразберихи вносил и слабый учет переселенцев. Несмотря на наличие Переселенческого управления и огромные его полномочия, грамотных чиновников катастрофически не хватало. Не случайно в Приамурье в число государственных служащих часто попадали ссыльные революционеры.

³¹ Там же: 37—38.

Между тем неучтенные новоселы тоже претендовали на землю, что создавало новые поводы для конфликтов. Казалось бы, в такой ситуации роль государства как регулятора неизбежно должна была возрасти. И действительно, в конце столетия зафиксирован некоторый рост числа обращений крестьян с жалобами к властям³¹. Однако рост этот был небольшим и достаточно быстро прекратился. Причина в том, что Зомия на Амуре смогла выработать собственные механизмы разрешения конфликтов, кооптации в себя новых участников.

Первый механизм — включение новоселов в сообщество посредством «приписки» к общине, предполагавшей оказание некоей услуги «миру» или просто внесение денежной суммы (до 200 рублей). Через «приписку» новосел получал доступ к земле. Можно было и просто «купить номер», то есть приобрести уже расчищенный и обжитой участок в поселении с соответствующим наделом.

Впрочем, особого распространения этот вариант не получил. Гораздо шире использовался механизм переделов. В волостях, где острота земельного вопроса ощущалась особенно сильно, крестьянский сход принимал решение о систематических переделах земли, перераспределяя ее либо по «номерам» (по числу хозяйств), либо по «числу бойцов» (работников). Такие переделы позволяли включить новоселов в сельские сообщества, преодолеть возможный конфликт, не прибегая к помощи государства.

Нам не удалось найти какие-либо свидетельства борьбы с переделами состоятельной части сельского сообщества. Состоятельные общинники были заинтересованы в сообществе немногим меньше, чем бедняки, которым помогал «мир». В слабо обжитом крае, где успех мог в любой момент смениться бедствием, именно «мир» выступал необходимым условием безопасности. Те же, кто предпочитал вести фермерское хозяйство, поставляя товарное зерно, молоко и т.д. на рынок, просто покупали землю, оказываясь в качественно ином пространстве. Впрочем, таких хозяйств в регионе было менее 300. Главным покупателем их продукции была казна.

Часть новоселов (особенно в начале XX в.) селилась севернее основной земледельческой зоны, на нижнем Амуре. Зерноводство там было почти бессмысленным. Основу их хозяйства составляли огородничество, охота, рыбная ловля (для самообеспечения и на продажу), лесозаготовки и лесосплав. Именно они заложили основу рыболовства, ставшего впоследствии одним из основных направлений деятельности в регионе. Впрочем, не они одни. В этом деле им помогали купцы.

В этот период начинается активная миграция в регион купечества из Сибири, Китая, Европы, выделение купцов из крестьян и мещан. Конечно, главный их интерес составляла добыча золота и иных полезных ископаемых, казенные подряды. Однако к этому «куску» был допущен очень узкий круг крупнейших предпринимателей, многие из которых жили за пределами региона³². Гораздо шире был круг купцов, взаимодействовавших с Зомией, с множеством самостоятельных хозяев-крестьян. Они скупали рыбу и лес на среднем и нижнем Амуре, хлеб

³² История 1990: 327—329.

и скот в районах зернового хозяйства, организовывали мукомольни, маслозаводы, винокуренное производство и т.д. Крестьяне Приамурья и Приморья, купцы и заводчики выступали элементами достаточно сложного распределенного предприятия, ориентированного прежде всего на внутренний рынок, но обладавшего серьезным экспортным потенциалом. Часть продукции поступала в Китай, Японию, США и даже Германию³³.

³³ Кажанова 2001: 52—53.

Но купцы и мещане занимались не только скупкой излишков и организацией их переработки. Выше уже говорилось о почти полном отсутствии промыслов в дальневосточной деревне конца XIX столетия. Купцы и поставляли туда «городскую продукцию», в том числе сельскохозяйственную технику, причем в ассортименте, далеко превосходившем возможности казенных магазинов. Лучшие образцы немецкой и американской сельскохозяйственной техники были здесь нормой, а не редкостью. Менее состоятельные предпочитали несколько уступающую по качеству, но более дешевую японскую технику. Поставки осуществлялись фирмой «Кунст и Альберс», торговым домом Плюсниных и многими сотнями других посредников через Шанхай³⁴.

³⁴ Горюшкин 1976.

Режим порто-франко в регионе то вводился, то отменялся, существенно влияя на крупные торговые операции в городах Приамурского генерал-губернаторства, на усилия чиновников и правоохранителей. Но на Зомии эти изменения сказывались минимально, поскольку беспошлинная торговля фактически сохранялась там вплоть до 30-х годов XX в. Привычка к использованию дорогостоящих механизмов дала толчок еще одной форме самоорганизации вольных хлебопашцев. Крестьяне Приамурья и Приморья начали объединяться в кооперативы для закупки техники, получения кредитов, сбыта излишков и т.д.

На широкое использование приамурскими крестьянами наемного труда обращали внимание многие исследователи³⁵. Однако речь шла в основном не о местных бедняках (хотя и о них тоже), а о китайских отходниках, нанимаемых состоятельными хозяевами. Спокойное, уже достаточно многочисленное и к тому же защищенное от давления со стороны властей Правилами 1861 г. и их последующими модификациями³⁶, да и самим пространством, крестьянство восточной окраины процветало. Для решения своих проблем крестьяне собирали съезды и совещания в масштабах губернии, учили детей в городских гимназиях и даже в вузах, открывали на свои средства больницы и начальные школы.

³⁵ История 1990: 349—351.

³⁶ Имеются в виду прежде всего «Временные правила о переселении крестьян на казенные земли», принятые в 1881 г.

При этом государственная жизнь, как и всевозможные внешне- и внутривластные проблемы, проходила мимо них. Власти пытались даже не столько установить над ними контроль (ответом на это, как правило, был уход на новые земли, в том числе за границу), сколько как-то соединить их интересы с собственными. Так, чтобы поставить заслон на пути банд хунхузов, власти просто выделили известному своей многочисленностью сообществу земли на опасной территории. Защищая свое хозяйство, крестьяне выполняли и необходимую для государства охранную функцию³⁷.

³⁷ Осипов 2012: 79.

Специфической оказывалась и роль управленцев. Поскольку управлять крестьянами, «размазанными» по гигантской территории, не имея представления ни о численности самих крестьян, ни о размерах обрабатываемой ими земли, было, мягко говоря, трудно, обходились иначе. О мздоимстве чиновников в Приамурье упоминали все, кто в то время писал об этом крае³⁸. Купцы и владельцы рудников, рыбопромышленники и богатые селяне «брали на жалование» чиновников. Представляется, что это был единственно возможный способ бесконфликтного сосуществования государства и Зомии. Левиафан просто взимал плату за «плохое зрение», причем часть этой платы шла не в карман конкретным чиновникам, а на реализацию вполне легальных государственных проектов — возведение крепостей, содержание больниц и т.д. Ведь для того чтобы выстроить какую-то иную модель взаимодействия власти и подвластного населения в условиях огромных пространств и бездорожья, требовалось принципиально больше чиновников, а это, в свою очередь, означало резкий рост издержек, лишаящих смысла саму деятельность и чиновников, и населения.

³⁸ См., напр. Унтербергер 1912.

Левиафан наносит удар

Но удар по Зомии на Амуре был нанесен с другой стороны. Значимость крестьянства стала ослабевать, а главное — заполняться пространством. В начале XX столетия в Приамурском генерал-губернаторстве качественно изменилась социальная структура. Стремительно росла плотность населения, улучшалась дорожная сеть, а значит, повышались возможности власти контролировать и управлять. С 1890-х годов Россия постепенно наращивала свое военное присутствие в регионе. Развернулось грандиозное строительство крепости Владивосток, переселялось казачество. Казаки, щедро наделенные землей, были основной военной силой, относительно дешевой для казны, поскольку обеспечивать себя должны были сами. Какая-то часть из них действительно превратилась в успешных хозяев, приближаясь по социальным практикам к крестьянским сообществам. Стоит отметить, что именно представители этой группы чаще всего рвали с казачьим сословием, переходя в купеческое.

Но не меньшая часть предпочитала выбивать все новые дотации из казны, взимать «дань» с китайских и иных мелких торговцев и вообще заниматься деятельностью на грани — или за гранью — легальности³⁹. Земли, выделенные казакам, сдавались в аренду подданным империи Цин, Кореи, сельским предпринимателям или попросту пустовали. Не случайно к началу XX в. казаки оказались существенно беднее крестьян-старожилов и даже многих новоселов⁴⁰. Противоречия между казачеством и крестьянством, пока не особенно явные, нарастали.

Изменилась и социальная структура городов. Не то чтобы их прежние жители исчезли — просто появились многочисленные новые группы. Вплоть до 90-х годов XIX в. города Приамурья, как правило, представляли собой центры сельской округи, где были сосредоточены

³⁹ История 1990: 327.

⁴⁰ Там же: 231—233.

функции, которые крестьяне были готовы оплачивать. Конечно, имелись и города-ставки типа Хабаровска и города-крепости типа Владивостока. Но они существовали отдельно, оставались чужими для региона.

В 1890-е годы и особенно в новом столетии население городов скачкообразно росло (увеличившись за полтора десятилетия более чем в 10 раз). Появлялись все новые рабочие прииски, горнорудные шахты. Рабочие поселки конкурировали по численности с сельскими поселениями. Вольные рыболовы вытеснялись наемными (главным образом из Китая), работавшими на крупных рыбопромышленниках. Развитие золотодобычи, расширение воинских континентов, строительство железной дороги породили острейшую нехватку в регионе рабочих рук. Начался массовый наем рабочих в европейской части страны, которые перевозились по железной дороге на основании льготных тарифов. Гигантские суммы, которые казна через общество КВЖД, через военный бюджет, через поддержку перевозок вкладывала в регион, предполагали контроль. Резко увеличилось число чиновников. Города генерал-губернаторства превратились в царство чиновников, военных и авантюристов, стремившихся перенаправить в свой карман ручеек от золотого потока, пролившегося на восточную окраину.

После Русско-японской войны этот процесс принял лавинообразный характер. Население удвоилось и к началу Первой мировой войны перевалило за миллион человек (без Забайкалья)⁴¹. При этом крестьянское переселение уже не играло основной роли. Вместо прежних охотников, казаков и землепашцев навстречу солнцу текли чиновники и военные, приисковые, железнодорожные и заводские рабочие, строители. Ежегодный прирост составлял 60,2 тыс. человек, а уровень урбанизации достиг 28,9%⁴². Крестьянским трудом занималось уже меньше половины жителей региона. Если до 1909 г. Приамурье не только полностью обеспечивало себя продовольствием, но и вывозило сельскохозяйственную продукцию, то теперь продовольствие начали активно ввозить⁴³.

Постепенно изменилось и отношение к крестьянству. Из главных людей в Приамурье крестьяне-переселенцы превратились в обитателей некоего не вполне понятного «анклава», почти исключенного из общей жизни, которую определяли уже не они. Снижился и объем льгот. С 1910 г. приамурские крестьяне лишились одной из важнейших своих привилегий — освобождения от военной службы⁴⁴, что было воспринято как попрание норм жизни. Уклонение от призыва приобрело массовый характер. Несмотря на репрессии, попытки провести его давали минимальный результат. Помимо «оружия слабых» в виде подкупа должностных лиц и саботажа указаний начальства, спасали таежные просторы, условность границы с Китаем и Монголией. Развернулось переселение в «Желтороссию» (Северный Китай, Монголию), что, впрочем, поддерживалось и властью, которая видела в нем способ колонизации Востока.

Началось полицейское давление на деревню. Прежнее положение, когда полицейские функции в деревне выполняли выборные из крестьян, перестало восприниматься как нормальное. И хотя хозяйственное

⁴¹ *Галлямова 2000:* 204.

⁴² *Там же:* 205.

⁴³ *История 1990:* 327.

⁴⁴ *Зуев 1994:* 50.

положение деревни оставалось стабильным, росли площади запашки и урожаи, увеличивалось поголовье скота, социальный статус крестьян понизился — как и их возможности дистанцироваться от государства.

Новое бедствие — начало Мировой войны и массовые мобилизации. По подсчетам исследователей, из приамурской деревни предполагалось призвать до 40% трудоспособных мужчин. Однако было призвано менее 30 тыс. человек⁴⁵. Значительная часть потенциальных новобранцев перебралась на новые места или просто ушла в лес. Их место заняли сезонные рабочие из Китая.

⁴⁵ Иконникова 2008.

Хотя на территории Приамурского генерал-губернаторства ситуация с продовольствием была лучше, чем в целом по России, рост цен на все товары народного потребления отмечался и здесь. Полицейское давление на деревню еще больше усилилось. Началась принудительная закупка продовольствия по «твердым ценам». Деревня ответила резким сокращением товарного производства и переходом в режим самообеспечения. Власти реквизировали лошадей для нужд армии — крестьяне просто перестали держать лошадей, используя в качестве тягловой силы быков. При этом резко возросло поголовье свиней, интенсифицировалось огородничество, выращивание картофеля⁴⁶, иными словами, производство той продукции, которая идеально работала на самообеспечение, но мало интересовала казну и военное интендантство. Зомия защищалась, и вполне эффективно, тем более что после развала фронта и фактического блокирования Транссиба потоком военных грузов, идущих из Владивостока, контроль над территорией со стороны любого «центрального» правительства превратился почти в номинальный.

⁴⁶ Горюшкин 1976.

⁴⁷ Гайда 2001: 149.

О «телеграфной революции» в Сибири написано немало⁴⁷. За Байкалом она обладала известной спецификой, обусловленной еще меньшим соответствием дальневосточных реалий общероссийским трендам. Впрочем, в городах генерал-губернаторства определенная связь между местной жизнью и событиями на европейской части страны сохранялась, хотя бы на уровне имитации. Так, в Петропавловске из телеграфных служащих явились кадеты, а из портовых рабочих — эсдеки. Выборные из Благовещенска и Владивостока участвовали в работе Государственной думы, вели агитацию и вербовали сторонников на местах. В соответствии с получаемыми из Петрограда телеграммами власть «захватывали» то представители Временного правительства, то немногочисленные большевики.

⁴⁸ Дубинина 1997.

Одним из немногих громких событий, вполне созвучных общероссийским трендам, был арест генерал-губернатора Николая Гондатти⁴⁸ и сопровождение его в столицу, в комиссию по расследованию преступлений царизма. (Правда, преступлений за ним не обнаружили.) После этого глава КВЖД и Временный правитель Восточной окраины генерал Дмитрий Хорват, председатель Временного сибирского правительства Петр Вологодский⁴⁹, местные лидеры казачества и крупные предприниматели принялись активно решать, кто правит за Байкалом. Неразберихи добавила высадка в августе 1918 г. во Владивостоке воинских подразделений Антанты. Зомию оставили в покое. Впрочем, не все и ненадолго.

⁴⁹ Шишкин 2009: 43—112.

⁵⁰ Журавлев 2008: 353—388.

В ноябре 1918 г. титул Верховного правителя России принял адмирал Александр Колчак⁵⁰. Объявленная им очередная мобилизация стала последней каплей, переполнившей чашу терпения жителей региона, прежде всего крестьян, которые начали уходить в тайгу. На свет родились приамурские партизаны. Понимая тщетность попыток привлечения Восточной окраины к «священной борьбе», прибывший в 1919 г. в Приамурье представитель Верховного правителя генерал Сергей Розанов⁵¹ решил поменять политику и сделать ставку на казаков, легализовав сложившиеся к тому времени «атаманские» режимы. Собственно, эта легализация и поставила знак равенства между очень разными политическими феноменами в регионе.

⁵¹ Гинс 2008: 442—444.

⁵² Новиков 2005.

В Уссурийском войске (территория южной части современных Хабаровского и Приморского краев) власть была передана атаману Ивану Калмыкову, на Амуре «правил» атаман Иван Гамов, в Забайкалье — атаман Григорий Семенов⁵². О каждом из этих персонажей можно написать по статье, однако перипетии их жизни не имеют прямого отношения к рассматриваемой нами проблеме.

С точки зрения интересующей нас темы важно то, что «атаманские режимы», как и все их предшественники, очень скоро начали нуждаться в продовольствии и «живой силе». Отношение городов к атаманам определилось быстро. Невероятные по жестокости убийства казаками Калмыкова жителей Хабаровска, репрессии в Благовещенске и инциденты в Чите оттолкнули от них города. Уже в 1918 г. атака отряда Семенова была отбита боевыми отрядами рабочих.

⁵³ Смоляк 2009: 18.

Крестьяне же до поры до времени держались в стороне от событий, будораживших регион. Но попытки реквизиции лошадей и продовольствия и мобилизации молодых людей в разнообразные «армии» вызвали взрыв. Отряды, направлявшиеся в деревню для пополнения запасов продовольствия, уничтожались — для крестьян они мало чем отличались от обычных бандитов. Ответом становились расстрелы. Маховик ненависти продолжал раскручиваться, и уход в партизаны принял массовый характер⁵³.

Но партизанские отряды, жившие на тех же заимках, что и прежние переселенцы, состояли из очень разных людей. Кроме обитателей Зомии на Амуре, в партизаны от атаманщины бежали рабочие. Было среди них и немало дезертиров из Белой и Красной армий, а также всевозможные любители приключений. Имелись и идейные сторонники большевиков вроде знаменитого Сергея Лазо.

Понятно, что эти отряды тоже вели себя не совсем так, как положено джентльменам. Нападения на железную дорогу, которую охраняли японские войска, ограбления поездов, попытка штурма Уссурийска привели к столкновениям партизанских отрядов с регулярной японской армией. У конфликта появилась еще одна сторона.

Одним из роковых для гражданской войны в регионе событий стал так называемый Николаевский инцидент (май 1920 г.), когда в ходе террора, организованного партизанами во главе с Яковом Тряпициным

в захваченном ими Николаевске-на-Амуре, столице золотопромышленников региона, погибла вся японская колония вместе с консулом и работниками дипломатической миссии. Это побудило Японию перейти к активным действиям. При поддержке японских войск, численность которых составляла (по разным оценкам) от 70 до 100 тыс. человек⁵⁴, атаман Семенов захватил Читу. Тот факт, что Семенов, который, грезя о возрождении империи Чингисхана, долгое время не мог найти общего языка с Колчаком, договорился с японцами, сделало Верховного правителя более покладистым. В результате Семенов подчинился Колчаку «с сохранением полной свободы в принятии решений»⁵⁵ и, получив чин генерал-лейтенанта, был назначен правителем Восточной окраины. Впрочем, власть его во многом была номинальной. В Верхнеудинске заседало правительство Дальневосточной республики (ДВР). Земские власти Приморья тоже чувствовали себя вполне автономно.

⁵⁴ Там же: 27.

⁵⁵ Новиков 2005: 219.

Но японская армия, как и отряды атаманов, испытывала все бóльшие сложности. И дело здесь даже не в военных успехах Народно-революционной армии (НРА) ДВР (которые, разумеется, были). Нараставшая нехватка продовольствия (Зомия полностью отвернулась от атаманов, остатков армии Колчака и иностранных войск), постоянные нападения партизан на японских военнослужащих создавали столь серьезные проблемы, что после переговоров с советским правительством японское командование приняло решение о выводе войск. Возможные блага от контроля над богатствами Дальнего Востока не компенсировали издержек войны в тайге. Пространство победило армию. Партизанские отряды, которые и составляли основу НРА, заняли города.

Перипетии гражданской войны на Дальнем Востоке описаны многократно, и воспроизводить их здесь нет особой необходимости. Отметим только критически важный для нашей темы момент: поползновения Левиафанов разной национальной принадлежности, пытавшихся уничтожить самоорганизующуюся общность крестьян (Зомию), не увенчались успехом. О ДВР в советской историографии (и не только историографии) было принято писать в уничижительном ключе (Довольно веселая республика). Но сама возможность существования ДВР была отвоевана партизанскими отрядами, главную силу в которых составляли крестьяне. ДВР была создана не только потому, что Советской России требовался «буфер», который позволил бы избежать вооруженного столкновения с Японией. И даже не только потому, что необходимо было перебрасывать войска на запад (война с Польшей). Была еще одна, не менее значимая причина — регион с номинальным советским присутствием контролировали люди, по поводу советскости которых в правительстве Владимира Ленина не обольщались. Не случайно в ходе выборов в ДВР большевики получили почти в два раза меньше мандатов, чем делегаты от крестьян⁵⁶. А силовой и административный контроль над регионом был в тот момент трудноосуществим. Ресурсов для этого не хватало не только у японцев.

⁵⁶ Егунов 1972: 86.

⁵⁷ Там же: 109.

Давление нарастало очень постепенно. После завершения Гражданской войны в регионе стали концентрироваться войска (не отряды НРА, а полки Красной армии), работники ЧК, партийные администраторы и другие агенты влияния, пока в 1922 г. советское правительство наконец не сочло, что уже не нуждается в «буфере»⁵⁷. В середине ноября 1922 г. ДВР прекратила свое существование. Но не прекратила существования Зомия на Амуре. В РСФСР царил НЭП. Крупные предприятия, особенно связанные с военно-промышленным комплексом, золотодобычей, угольной и энергетической промышленностью, были, правда, национализированы, однако они и раньше не имели отношения к жизни большей части населения региона. Что же касается других сфер, например рыболовецкой, то частные предприятия там не просто сохранились, но и успешно конкурировали с «советскими», пользовавшимися государственной поддержкой⁵⁸. Относительно спокойно жила и деревня.

⁵⁸ Галлямова 2012.

К 1924 г. ситуация начала меняться. На приамурское крестьянство были распространены общие правила, действовавшие в РСФСР. Для крестьянских хозяйств устанавливались «разряды», исходя из которых рассчитывалось налогообложение (чем крепче хозяйство, тем выше ставка). Были введены хлебная монополия и «твердые цены» на хлеб, национализированы мельницы и зернохранилища. Можно выделить три формы реакции Зомии на усиливавшееся давление.

Первая — достаточно типичная для подобных негосударственных самоорганизующихся структур. Несмотря на то что ситуация с дорогами улучшилась, а число войск и чиновников возросло, пространство по-прежнему позволяло избегать контроля. Расчищались и запахивались участки в тайге, организовывались контрабандные торговые маршруты в Маньчжурию, где уже проживало немало дальневосточных крестьян. Обратно шли товары народного потребления, сельскохозяйственная техника. С контрабандой боролись, но без особого успеха. Впрочем, подобные практики не получили широкого распространения.

⁵⁹ Саначев 1992.

Вторая форма — прямая борьба⁵⁹. Доведенные до отчаяния поборами со стороны властей бывшие приамурские партизаны подняли восстание. По игре случая его центром оказалось село Тамбовка (что позволяет говорить о «Тамбовском восстании» на Дальнем Востоке). Восставшие контролировали 24 крупнейших поселения на реке Зeya (около трети территории Амурской области). На подавление восстания были брошены регулярные войска с артиллерией, бронепоездами и авиацией, и в январе 1925 г. основные силы восставших были разбиты, хотя сопротивление отдельных отрядов продолжалось до начала 1930-х годов.

⁶⁰ Кулинич 2006: 24–31.

После этого главной стала третья форма — бегство. Точное число крестьян, которые пересекли Амур, назвать трудно. Но показательно, что если в 1923 г. население Дальневосточного края составляло более полутора миллионов человек, то по переписи 1926 г. зафиксировано чуть более миллиона. И это при том, что на Дальний Восток продолжали прибывать войска и советские чиновники⁶⁰.

Существовали и другие формы реакции, возрождавшие практики даже не XIX в., а гораздо более ранних эпох. Бросая насиженные места, население уходило в тайгу и жило тем, что она давала. Подобный тип хозяйства на Дальнем Востоке описан Иваном Багряным в романе «Тигроловы»⁶¹. Оставшиеся крестьяне в период с 1929 по 1934 г. были согнаны в колхозы и совхозы. С этого же времени берет отсчет военный проект «освоения» Дальнего Востока⁶². Начался новый этап — подневольного населения, военных городков, оборонных заводов и ГУЛАГа.

⁶¹ Багряный 1991.

⁶² Качева 2013: 415—423.

* * *

Казалось бы, Зомия на Амуре безвозвратно погибла, и ее реликтам, забившимся в «медвежьи углы», предстоит постепенно затеряться в приамурской и приморской глуши. Все это так и не так. В условиях, когда большую часть населения составляют военные, а инфраструктура ориентирована на армию, регион начинает нуждаться в массовом ввозе практически всего — от хлеба и одежды до металла и специалистов. При этом поставки идут крайне неритмично. Номинально захваченное, но, как и прежде, неконтролируемое, то есть «пустое», с точки зрения администратора, пространство постоянно срывает графики доставки жизненно важных ресурсов, повышая издержки управления.

Проблема самообеспечения встает все более остро. И здесь неожиданно всплывают осколки Зомии. Рыбалка и сбор дикоросов, подсобное хозяйство, домашние коптильни и другие аналогичные практики становятся всеобщими, составляя основу выживания в том числе горожан. Кустари и кооперативы играют важную роль вплоть до 1960-х годов. После хрущевских реформ они попросту уходят «в тень», сливаются с городским ландшафтом, продолжая доминировать в сельском. Жители Зомии превращаются в привычных (для государственных этапов освоения этого края) «невидимок».

Зомия прорастает в Левиафана. Возникает ее инобытие в виде разветвленной системы неформальных взаимодействий, «тепла человеческих отношений». Власть — просто для того, чтобы существовать, — вынуждена все это «не видеть». Гигантское пространство оставляет лакуны, где самостоятельность и самоорганизация растворяют структуры Левиафана. Зомия продолжает жить, чтобы в момент, когда обессиленный бескрайней пустотой Левиафан отступит, вновь всплыть из своего ниоткуда и в очередной раз спасти Дальний Восток.

Библиография

Аргудяева Ю.В. (2001) *Семья и семейный быт у русских крестьян на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в.* Владивосток: ДВО РАН.

Багряный И. (1991) *Тигроловы*. Владивосток: Рубеж.

Барсукова С.Ю. (2017) *Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого*. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Бляхер Л.Е., ред. (2001) *Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса: На примере мелких предпринимателей и самозанятых*. М.: МОНФ.

Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.

Болховитинов Н.Н., ред. (1999) *История Русской Америки: 1732—1867. Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825—1867*. М.: Международные отношения.

Гайда Ф.А. (2001) «Механизм власти Временного правительства (март-апрель 1917 г.)» // *Отечественная история*. № 2: 141—153.

Галлямова Л.И. (2000) *Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в.* Владивосток: Наука.

Галлямова Л. И. (2012) «Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии» // *Россия и АТР*. № 3: 55—71. URL: <http://docplayer.ru/40730559-Dalniy-vostok-sssr-v-gody-neratendencii-i-osobennosti-sovremennoy-istoriografii.html> (проверено 23.11.2017).

Гинс Г.К. (2008) *Сибирь, союзники и Колчак*. М.: Айрис-Пресс.

Говорухин Г.Э. (2007) *Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона*. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ.

Горюшкин Л.М. (1976) *Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.)*. Новосибирск: Наука.

Дубинина Н.И. (1997) *Приамурский генерал-губернатор Н.Л.Гондатти*. Хабаровск: Приамурское географическое общество.

Егунов П.П. (1972) *Очерки истории Дальневосточной республики*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.

Журавлев В.В. (2008) «„Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя“: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В.Колчаком 18 ноября 1918 г.» // *Антропологический форум*, № 8: 353—388.

Зуев В.К. (1994) «Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в канун Октября 1917 года: структура, дислокация, численность» // Мухачев Б.И., ред. *Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России: Сборник научных трудов*. Владивосток: ДВО РАН: 34—46.

Иконникова Т.Я. (2008) «Приамурцы на фронтах Первой мировой войны (1914—1917 гг.)» // *История и культура Приамурья*, № 2 (4): 76—85.

История Дальнего Востока СССР. Т. 2: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). (1990) М.: Наука.

Кажанова Т.М. (2001) «Амурские крестьяне на выставках (конец XIX — начало XX в.)» // *Приамурье на рубеже веков: Тезисы докладов региональной научно-практической конференции, 22—24 октября 2000 г.* Благовещенск: Амурский музей: 52—53.

Кирьяков В.В. (1902) *Очерки истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири)*. М.: И.Н.Кушнерев и Ко.

Кордонский С.Г. (2012) «Норма отката» // *Отечественные записки*, № 2 (47): 71—80.

Кулинич Н.Г. (2006) «О социальной мобильности дальневосточных городов (1920—1930-е гг.)» // *Россия и АТР*, № 4: 24—31. URL: <http://www.giatr.ru/2006/2006-4-WEB/03p24-31.pdf> (проверено 24.11.2017).

Леонтьева Э.О. (2017) «Неформальная экономика: модель для сборки» // *Полития*, № 3: 188—191.

Моляренко О.А. (2017) «Бесхозные автомобильные дороги в России» // *ЭКО*, № 4: 88—109. URL: <http://khamovniku.ru/upload/iblock/31e/31e98c3f3194cc8f4698baa1c0e649c5.pdf> (проверено 28.11.2017).

Новиков П.А. (2005) *Гражданская война в Восточной Сибири*. М.: Центрполиграф.

Осипов Ю.Н. (2012) *Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России: 1855—1917 годы*. Владивосток: Изд-во Владивостокского гос. университета экономики и сервиса.

Павлов А.Б. и С.С.Селеев. (2015) «Феноменологическое описание современной промышленной деятельности» // *Universum: Общественные науки*, № 3 (13). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013> (проверено 17.11.2017).

Подвинцев О. Б. (2007) «Идея „несостоявшихся государств“ в российском постимперском контексте» // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. Вып. 7: 204—214. URL: <http://www.ifp.urpa.ru/files/publ/eshegodnik/2007/15.pdf> (проверено 18.11.2017).

Ремнев А.В. (2004) *Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX — начала XX века*. Омск: Изд-во Омского гос. университета.

Саначев И.Д. (1992) «Крестьянское восстание на Амуре — кулацкий мятеж или шаг отчаяния?» // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*, № 3: 32—39, № 4: 27—37.

Сафронов Ф.Г. (1980) *Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.* М.: Наука.

Смоляк В.Г. (2009) *Междоусобица: По следам нижнеамурской трагедии*. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И.Гродекова.

Ссорин-Чайков Н. (2012) «Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (Из книги „Социальная жизнь государства в северной Сибири“)» // *Социология власти*, № 4—5: 155—187.

Сычевский Е.П. (1992) «Поземельные отношения в амурской деревне (1860—1890 гг.)» // *Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов*. Вып. 7. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета: 52—59.

Ткачева Г.А. (2013) «Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в 30—40-е гг. XX в: основные теоретические подходы» // *Седьмые Крушановские чтения, 2011. Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее*. Владивосток: Дальнаука: 415—423.

Унтербергер П.Ф. (1912) *Приамурский край: 1906—1910 гг.* СПб.: Тип. В.Ф.Киршбаума.

Хайек Ф. фон. (1992) *Дорога к рабству*. М.: Экономика.

Шишкин В.И. (2009) «...Я все время вел примиряющую политику...» Временное Сибирское правительство в оценке его премьер-министра П.В.Вологодского // *Исторический архив*, № 6: 43—112.

Шанин Т., ред. (1999) *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven & London: Yale University Press.

Зомия

L.E.Bliakher, M.L.Bliakher

ZOMIA ON THE AMUR, OR STATE ORDER AGAINST THE ORDER OUTSIDE OF STATE

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Head of the Department of Philosophy and Culture Studies, Pacific National University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Mikhail L. Bliakher — Ph.D. in Sociology; Independent Researcher (St. Petersburg). Email: postchelovek@gmail.com.

Abstract. In the article the authors utilize the term “Zomia” coined by Willem van Schendel, the Dutch researcher, to refer to a giant “mountainous country” located at the junction of a number of states in South-East Asia, in order to derive a concept, which reflects a specific form of social self-organization, a special type of everyday life that does not require the usual structures of the state of Modernity — it coexists with them and defends its right to be different. The authors study such form of self-organization using the example of the community of the resettled peasants that developed in the east of Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. Having analyzed the factors that led to the emergence of Zomia on the Amur, they come to the conclusion that the main factor was the big size of the territory, which killed any administrative efforts. The control over the giant territories with a relatively poor network of roads was too costly, which rendered it meaningless. The situation inevitably triggered the mechanism of social self-organization, which made the usual political forms superfluous and hostile to the people. They developed specific practices of distancing themselves from the state and using the latter in their own interests. The article describes these practices, as well as the resistance of the resettled peasants to the attempts made by the power structures to “domesticate” the disobedient territory that

increased as the state strengthened. Although Zomia lost its fight against Leviathan, its defeat, as shown by the authors, was a mere transition to a different form of existence. Zomia continued to exist so that at a time when the Leviathan, exhausted by the vast void space, retreats, Zomia will appear out of nowhere and once again save the Far East.

Keywords: Zomia, Leviathan, space, Far East, self-organization

References

- Argudiaeva Y.V. (2001) *Sem'ia i semeinyi byt u russkikh krest'ian na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Family and Family Life among the Russian Far East Peasants in the Latter Half of 19th and Early 20th Centuries]. Vladivostok: DVO RAN. (In Russ.)
- Bagrianyi I. (1991) *Tigrolovy* [The Catchers of the Tigers]. Vladivostok: Rubezh. (In Russ.)
- Barsukova S.Y. (2017) *Esse o neformal'noi ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [An Essay on the Informal Economy, or Sixteen Shades of Grey]. Moscow: Izdatel'skii dom Vyssei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Bliakher L.E., ed. (2001) *Izmenenie povedeniia ekonomicheski aktivnogo naseleniia v usloviakh krizisa: Na primere melkikh predprinimatelei i samozaniatykh* [Changes in the Economically Active Population Behavior in Times of Crisis: On the Example of Small Entrepreneurs and Self-Employed]. Moscow: MONF. (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravliaemoi zhizni: Dal'nii Vostok* [The Art of Uncontrolled Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Bolkhovitinov N.N., ed. (1999) *Istoriia Russkoi Ameriki: 1732—1867. T. 3: Russkaia Amerika: ot zenita k zakatu, 1825—1867* [History of Russian America: 1732—1867. Vol. 3: Russian America: From Zenith to Sunset, 1825—1867]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russ.)
- Dubinina N.I. (1997) *Priamurskii general-gubernator N.L.Gondatti* [The Governor-General of the Amur Region N.L.Gondatti]. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo. (In Russ.)
- Egunov P.P. (1972) *Ocherki istorii Dal'nevostochnoi respubliki* [Essays on the History of the Far Eastern Republic]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Gaida F.A. (2001) «Mekhanizm vlasti Vremennogo pravitel'stva (mart-aprel' 1917 g.)» [Mechanism of the Russian Provisional Government Rule, March-April 1917] // *Otechestvennaia istoriia* [Russian History], no. 2: 141—153. (In Russ.)
- Galliamova L.I. (2000) *Dal'nevostochnye rabochie Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [The Russian Far East Workers in the Latter Half of 19th and Early 20th Centuries]. Vladivostok: Nauka. (In Russ.)
- Galliamova L.I. (2012) «Dal'nii Vostok SSSR v gody nepa: tendentsii i osobennosti sovremennoi istoriografii» [The Far East of the USSR in the Period of the New Economic Policy: Trends and Features of Modern Historiography] // *Rossia i ATR* [Russia and the Pacific], no. 3: 55—71. URL:

<http://docplayer.ru/40730559-Dalний-vostok-sssr-v-gody-nepa-tendencii-i-osobennosti-sovremennoy-istoriografii.html> (accessed 23.11.2017). (In Russ.)

Gins G.K. (2008) *Sibir', soiuzniki i Kolchak* [Siberia, Allies, and Kolchak]. Moscow: Airis-Press. (In Russ.)

Goryushkin L.M. (1976) *Agrarnye otnosheniia v Sibiri perioda imperializma (1900—1917 gg.)* [Land Relationships in Siberia during the Period of Imperialism (1900—1917)]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Govorukhin G.E. (2007) *Vlast' i vlastnye otnosheniia v simvolicheskoi prostranstve osvvaivaiemogo regiona* [Power and Power Relations in the Symbolic Space of the Developing Area]. Komsomol'sk-na-Amure: KnAG-TU. (In Russ.)

Hayek F. von. (1992) *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Ikonnikova T.Y. (2008) «Priamurtsy na frontakh Pervoi mirovoi voiny (1914—1917 gg.)» [The Amur Region Inhabitants on the Fronts of the First World War (1914—1917)] // *Istoriia i kul'tura Priamur'ia* [History and Culture of the Amur Region], no. 2 (4): 76—85. (In Russ.)

Istoriia Dal'nego Vostoka SSSR. T. 2: Istoriia Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. — fevral' 1917 g.) [History of the Far East of the USSR. Vol. 2: History of the Far East of the USSR in the Period of Feudalism and Capitalism (17th Century — February 1917)]. (1990) Moscow: Nauka. (In Russ.)

Kazhanova T.M. (2001) «Amurskie krest'iane na vystavkakh (konets XIX — nachalo XX v.)» [Amur Peasants at Exhibitions (the Late 19th and Early 20th Centuries)] // *Priamur'e na rubezhe vekov: Tezisy dokladov regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 22—24 oktiabria 2000 g.* [The Amur Region at the Turn of the Century: Abstracts of the Regional Research and Practice Conference Reports, 22—24 October 2000]. Blagoveshchensk: Amurskii muzei: 52—53. (In Russ.)

Kiriakov V.V. (1902) *Ocherki istorii pereselencheskogo dvizheniia v Sibir' (v sviazi s istoriei zaseleniia Sibiri)* [Essays on the History of the Resettlement Movement in Siberia (Regarding the History of the Settlement of Siberia)]. Moscow: I.N.Kushnerev i Ko. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2012) «Norma otkata» [Kickback Standard] // *Otechestvennye zapiski* [OZ: Journal of Russian Thought], no. 2 (47): 71—80. (In Russ.)

Kulinich N.G. (2006) «O sotsial'noi mobil'nosti dal'nevostochnykh gorodov (1920—1930-e gg.)» [On the Social Mobility of the Russian Far East Cities (1920—1930)] // *Rossiiia i ATR* [Russia and the Pacific], no. 4: 24—31. URL: <http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/03p24-31.pdf> (accessed 24.11.2017). (In Russ.)

Leontyeva E.O. (2017) «Neformal'naia ekonomika: model' dlia sborki» [Informal Economy: A Model Kit] // *Politeia*, no. 3: 188—191. (In Russ.)

Moliarenko O.A. (2017) «Beskhoziainye avtomobil'nye dorogi v Rossii» [Ownerless Roads in Russia] // *EKO* [All-Russian Economic Journal], no. 4: 88—109. URL: <http://khamovniki.ru/upload/iblock/31e/31e98c3f3194cc8f4698baa1c0e649c5.pdf> (accessed 28.11.2017). (In Russ.)

Novikov P.A. (2005) *Grazhdanskaia voina v Vostochnoi Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)

Osipov Y.N. (2012) *Krest'iane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii: 1855—1917 gody* [Old-Timers of the Russian Peasant Far East: 1855—1917]. Vladivostok: Izd-vo Vladivostokskogo gos. universiteta ekonomiki i servisa. (In Russ.)

Pavlov A.B. and S.S.Seleev. (2015) «Fenomenologicheskoe opisaniie sovremennoi promyslovoi deiatel'nosti» [Phenomenological Description of the Modern Handicraft Activities] // *Universum: Obshchestvennye nauki* [Universum: Social Sciences], no. 3 (13). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013> (accessed 17.11.2017). (In Russ.)

Podvintsev O.B. (2007) «Ideia „nesostoiavshikhhsia gosudarstv“ v rossiiskom postimperskom kontekste» [The Idea of «Failed States» in the Russian Post-Imperial Context] // *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Science Yearbook of Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], vol. 7: 204—214. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/15.pdf> (accessed 18.11.2017). (In Russ.)

Remnev A.V. (2004) *Rossiiia Dal'nego Vostoka: Imperskaia geografiia vlasti XIX — nachala XX veka* [Russia of the Far East: The Imperial Geography of Power of the 19th and Early 20th Centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. universiteta. (In Russ.)

Safronov F.G. (1980) *Russkie promysly i torgi na severo-vostoke Azii v XVII — seredine XIX v.* [Russian Crafts and Trades in the Asian Northeast in the 17th — mid 19th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Sanachev I.D. (1992) «Krest'ianskoe vosstanie na Amure — kulatskii miatezh ili shag otchaianiia?» [The Peasant Uprising on the Amur — Rebellion of the Kulaks or a Desperate Gesture?] // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 3: 32—39, no. 4: 27—37. (In Russ.)

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven & London: Yale University Press.

Shanin T., ed. (1999) *Neformal'naia ekonomika: Rossiia i mir* [The Informal Economy: Russia and the World]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Shishkin V.I. (2009) «„...Ia vse vremia vel primiriiaushchuiu politiku...“ Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo v otsenke ego prem'er-ministra P.V.Vologodskogo» [«...I Always Was Pursuing a Conciliating Policy...». The Provisional Siberian Government in the Assessment of Its Prime Minister P.V.Vologodsky] // *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no. 6: 43—112. (In Russ.)

Smoliak V.G. (2009) *Mezhdousobitsa: Po sledam nizhneamurskoi tragedii* [Civil Strife: Following the Tragedy of the Lower Amur]. Khabarovsk: Khabarovskii kraevoi muzei im. N.I.Grodekova. (In Russ.)

Ssorin-Chaikov N. (2012) «Hobbes v Sibiri: sotsial'naia zhizn' gosudarstva (Iz knigi „Sotsial'naia zhizn' gosudarstva v severnoi Sibiri“»)» [Hobbes in Siberia: On the Social Life of the State] // *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], no. 4—5: 155—187. (In Russ.)

Sychevsky E.P. (1992) «Pozemel'nye otnosheniia v amurskoi derevne (1860—1890 gg.)» [Land Relationships in the Amur Village (1860—1890)] // *Zapiski Amurskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia i obshchestva kraevedov* [Notes of the Amur Regional Local History Museum and Society of Local Lore]. Vol. 7. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. universiteta: 52—59. (In Russ.)

Tkacheva G.A. (2013) «Oboronnyi potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 30—40-e gg. XX veka: osnovnye teoreticheskie podkhody» [Defense Capabilities of the Far East of the USSR in the 30—40s of the 20th Century: the Major Theoretical Approaches] // *Sed'mye Krushanovskie chteniia, 2011. Tikhookeanskaia Rossiia v mezhtsivilizatsionnom i obshcherossiiskom prostranstve: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [The Seventh Krushanov Readings, 2011. Pacific Russia in the Intercivilizational and All-Russian Space: Past, Present, Future]. Vladivostok: Dal'nauka: 415—423. (In Russ.)

Unterberger P.F. (1912) *Priamurskii krai: 1906—1910 gg.* [The Amur Region: 1906—1910]. St. Petersburg: Tip. V.F.Kirshbauma. (In Russ.)

Zhuravlev V.V. (2008) «„Prisvoiv takovomu litsu naimenovanie Verkhovnogo Pravitelia“: K voprosu o titule, priniatom admiralom A.V.Kolchakom 18 noiabria 1918 g.» [«Having Given That Person the Name of the Supreme Governor»: On the Title Assumed by Admiral A.V.Kolchak on November 18, 1918] // *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], no. 8: 353—388. (In Russ.)

Zuev V.K. (1994) «Sukhoputnye sily Rossii na Dal'nem Vostoke v kahun Oktjabria 1917 goda: struktura, dislokatsiia, chislennost'» [Russian Land Forces in the Far East on the Eve of October 1917: Structure, Dislocation, Strength] // Mukhachev B.I., ed. *Voprosy istorii grazhdanskoi voiny i interventsii na Dal'nem Vostoke Rossii: Sbornik nauchnykh trudov* [Questions of the History of Civil War and Intervention in the Far East of Russia]. Vladivostok: DVO RAN: 34—46. (In Russ.)